

Сибиряк — иллюстратор Достоевского

ДВА с небольшим года назад под рубрикой «Литературный музей» «Вечерний Омск» печатал статью «Художник неизвестен» (20 июня 1981 г.). В ней рассказывалось о жизни и творчестве художника — сибиряка Михаила Знаменского (1833—1892 гг.), об его интересе к омскому периоду биографии Ф. М. Достоевского. Знаменский, воспитывавшийся в среде сосланных в Сибирь декабристов, был человеком твердых демократических убеждений. Он сотрудничал в лучших сатирических изданиях своего времени (в том числе в знаменитом журнале «Искра»), высмеивал в карикатурах порядки и нравы глухих провинциальных углов царской России.

Знаменский понимал, что в Омском остроге заточен не просто «государственный преступник», а талантливый писатель. Художник организовал съемку схематического плана острога, сделал зарисовки крепости и тюрем.

В конце статьи говорилось о том, что с годами интерес М. С. Знаменского к личности и творчеству бывшего омского узника не иссяк. Позже, приблизительно в конце 60-х годов, он нарисовал иллюстрацию к «Запискам из Мертвого дома». Но, увы, судьба их плачевна. Иллюстрации были утеряны, и где они теперь, неизвестно. Известно лишь имя человека, которому Знаменский послал свою работу, — Петр Михайлович. Обширное художественное наследие незаурядного тобольского художника и литератора рассеяно по многим музеям, библиотекам и архивохранилищам страны.

Ф. М. Достоевский мечтал выпустить «Записки из Мертвого дома» иллюстрированными. В 1865 году в письме одному из близких друзей он говорил: «Хочу издавать «Мертвый дом»... выпусками и с иллюстрациями, роскошным изданием». Однако мечты остались лишь мечтами. Беден был сам писатель, бедно выглядело

и большинство его прижизненных изданий. Книги великого художника слова печатались обычно на плохой бумаге, набиралась в целях экономии весьма «тесно», выходили в тонких обложках.

НЕДАВНО мне довелось побывать в родном городе Знаменского — Тобольске. И там, в Тобольском музее, удалось обнаружить две его иллюстрации к «Запискам».

Найти первую было нетрудно: она входит в музейную экспозицию, в ту ее часть, которая рассказывает о сибирской каторге. Иллюстрация сделана к первой главе книги — «Мертвый дом». Название главы расположено в верхней части акварели. К сожалению, музей прислал мне фотокопию лишь ее фрагмента, слова «Мертвый дом» оказались «за кадром». Она носит обобщающий, вступительный характер. Можно предположить, что именно с нее начиналась вся серия рисунков. Вы видите солдата из караульной команды, охранявшей острог, справа — каторжник с тачкой (на тачке надпись: «Рисунки М. Знаменского»). А на заднем плане — Омский острог. Он, кстати, в точности похож на одну из зарисовок художника.

Другую иллюстрацию я обнаружил в фондах музея — в папке рисунков Знаменского. Она лежит среди его карикатур, зарисовок окрестностей Тобольска, рядом с прекрасным портретом его отца* и другими работами.

Здесь проиллюстрирована сцена из главы «Каторжные животные». В центре — любимец арестантов козел Васенька, разукрашенный цветами. Арестанты вырастили его и всегда брали с собой на работу «для

увеселения себя и встречающейся публики».

«Возвращается, бывало, — читаем в «Записках...», — Васенька в острог всегда впереди арестантов, разукрашенный, разубранный, а они идут за ним и точно гордятся перед прохожими». Но дальше из текста книги известно, что судьбу козла решил непосредственный начальник острога плац-майор Кривцов. Он не раз упоминается в произведении, а также в одном из писем Достоевского. Человеком Кривцов был жестоким, мелочным, придирчивым, всячески притеснял арестантов, издевался над ними. «Однажды, — сказано в книге, — возвращаясь во главе арестантов с работы, разубранный и разукрашенный, он попался навстречу майору, ехавшему на дрожках. «Стой! — заревел он. — Чей козел!» Ему объяснили. «Как! В остроге козел, и без моего позволения! Унтер-офицера!» Явился унтер-офицер, и тотчас же было повелено немедленно зарезать козла».

Именно эту сцену и изобразил художник.

Две тобольские иллюстрации к «Запискам...» являются, по всей вероятности, вариантами или дубликатами тех, которые были отправлены к неизвестному Петру Михайловичу и затерялись. Зная, что Знаменский рисовал всегда с большой долей документальности, можно теперь представить такие детали, как одежда каторжников, форма охранявших их солдат. Мы знаем теперь и то, как выглядел плац-майор Кривцов, одновременно являющийся и персонажем книги, и реально существовавшим лицом. Художник часто приезжал в Омск, вполне мог быть с ним знаком и нарочно сохранить в рисунке портретное сходство.

ИМЕННО в документальности заключаются особая ценность исчезнувших иллюстраций Знаменского. Следуя своему творческому принципу — добиваться как можно более точного изображения, он наверняка дал в своей серии

ряд других портретов и деталей, «фотографически» воспроизводящих атмосферу, в которой великий писатель находился целых четыре года. Стоит ли говорить о том, как это важно и интересно...

Не следует забывать, что это вообще первые известные нам иллюстрации к «Запискам...». Правда, в 1862 году на годичной выставке Академии художеств была выставлена картина ученика Академии К. Померанцева «Праздник рождества в Мертвом доме». Но кар-

тина есть картина, она существует в единственном экземпляре. Здесь же мы имеем дело с работой, наверняка предназначенной для публикации, т. е. для тиражирования.

Где остальные иллюстрации Знаменского? Найдутся ли они? Об этом можно только гадать.

Может быть, имя «Петр Михайлович» станет выточкой, которая приведет к потерянному рисунку?

Петром Михайловичем звали известного художника Боклевского (1816—1897 гг.), который иллюстрировал произведения многих русских писателей, в том числе и Достоевского — «Бедные люди», «Преступление и наказание». Может быть, ему послал Знаменский свою работу с просьбой помочь в ее

публикации? Кстати, в 1869 году у Боклевского случился пожар, сгорели его дом и литография. Может быть, в огне погибли и рисунки сибиряка? Но мы не знаем даже, был ли Знаменский и Боклевский знакомы...

Неизвестно, был ли знаком Знаменский и с другим Петром Михайловичем — рисовальщиком и акварелистом Шмельковым (1819—1890 гг.). Он, как и Знаменский, был художником демократического направления, сотрудничал в сатирических журналах.

Возможно, дальнейшие поиски и дадут со временем положительные результаты.

А. ЛЕЙФЕР.
НА СНИМКАХ: М. С. Знаменский и его иллюстрация к «Запискам из Мертвого дома».